

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.48

*А. В. Алейников, Г. Г. Газимагомедов, А. И. Стребков***«ХИРУРГИЯ» И «ТЕРАПИЯ» КОРРУПЦИИ:
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

В статье рассматривается конфликтная природа коррупции как системно организованного социального явления. Авторами делается вывод о том, что причины коррупции кроются в самом социальном устройстве, которое разъедается конфликтом и разрушается им, а коррупция, признаваемая процессом, разрушающим социальный порядок, становится тождественной конфликту. Делается акцент на эвристическом потенциале конфликтологической парадигмы «распознавания» коррупционных отношений, разрушающих социум до степени, за пределами которой он не в состоянии воспроизводить себя как устойчивый и стабильный организм. Показано, что концептуализация междисциплинарного метода распознавания конфликтов и их локализации является наиболее востребованным методом для государства, обьивившего борьбу с коррупцией. Особое внимание уделяется основным спорным вопросам междисциплинарного анализа феномена коррупции и исследовательским подходам к ее изучению. Взаимодействие субъектов экономики, которое обозначается понятием «конкуренция», в социальной сфере обозначается понятием «борьба», в политологии — «партийная конкуренция», «политическая борьба», «преступление», «оппозиция», «протест», «восстание», «революция». Какое понятийное обозначение приобретает способ взаимодействия, зависит от сферы, в которой данное взаимодействие завершается, принимая различные формы. Авторы анализируют коррупцию как процесс превращения деятельности и ее результатов в товар, имеющий «нетоварную» природу, как результат совместного, вне рамок публичного договора, незаконного обмена ресурсами должностных и иных лиц. Обосновывается необходимость трактовки

Алейников Андрей Викторович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.alejnikov@spbu.ru

Газимагомедов Газимагомед Газматович — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; fond_conflict@mail.ru

Стребков Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.strebkov@spbu.ru

Alejinikov Andrei V. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.alejnikov@spbu.ru

Gazimagomedov Gazimagomed G. — Doctor of Political science, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; fond_conflict@mail.ru

Strebkov Alexandr I. — Doctor of Political science, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.strebkov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

данного термина через призму товарно-денежных отношений — как процесса, охватывающего совокупность социальных связей и отношений, и в первую очередь — отношений собственности.

Особое внимание уделяется коррупционным отношениям как отношениям превращения достоинства общества в индивидуально-частное достояние, при которых должностное лицо лишь передает частному лицу за вознаграждение то, что ему не принадлежит по праву. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: государство, бизнес, интересы, конфликт, коррупция, товарно-денежные отношения, собственность.

A. V. Aleinikov, G. G. Gazimagomedov, A. I. Strebkov

“SURGERY” AND “THERAPY” OF CORRUPTION: THE CONFLICT STUDIES DIMENSION

The article reviews the conflictive nature of corruption qua a systematically organized social phenomenon. The authors arrive at the conclusion that the roots of corruption lie in the social order itself which is being eroded and disrupted by conflict. At the same time corruption, recognized as some kind of a means which destroys social order, becomes equivalent to conflict. The authors emphasize the conflict studies paradigm's heuristic detecting the potential of corrupt relations to disrupt society to a point beyond which it cannot reproduce itself as a solid and stable organism. The authors demonstrate in the article that the conceptualization of the interdisciplinary method of conflict detection and localization is considered to be the most sought-after method for the state which has declared war against corruption. The article pays special attention to the main points at issue of the interdisciplinary analysis of the corruption phenomenon and research approaches to its examination.

Moreover the article makes clear that the economic subjects' interaction may be denoted by the concept of “competition”, while in the social sphere this interaction may be denoted by the concept of “strife”, in political science it may be called “political competition”, “political tussle”, “crime”, “opposition”, “protest”, “uprising”, “revolution”. Which conceptual denomination is acquired by the mean of interconnection depends on the ultimate sphere in which this interconnection terminates while it takes various shapes as well.

In the article the authors analyze corruption as a process of the transformation of an activity and its results into a commodity which has a “uncommodified” nature as a result of a joint, non-contractual, illegal exchange of resources between officials and others. The authors substantiate the necessity of interpreting the term corruption through the lens of a goods/money relationship, by a process which comprises the entire total of social bonds and relations and in first place; i.e., property relations.

Also, the authors put a special focus on the corrupt relations with respect to relations where public commons are turned into individual private property whereby the official only passes to a private actor something that does not belong to him *ipso jure*. Refs 29.

Keywords: state, business, interests, conflict, corruption, goods/money relationship, property.

Врачевание социальной болезни, как и человеческого тела, начинается с определения того, что необходимо лечить. Томас Гоббс писал, что «грабить или расхищать государственную казну или государственные доходы — более тяжкое преступление, нежели грабить и надувать частное лицо, ибо грабить государство — значит грабить сразу многих» [1, с. 230].

Концепт «коррупция» — неотъемлемый элемент как массового сознания, так и многих современных теорий в сфере права, политологии, социологии, конфликтологии и экономики. Казалось бы, сегодня смысл понятия кажется самоочевидным — но эта самоочевидность обманчива. Весьма проблематичными видятся и перспективы описания коррупции как широкого спектра отношений, в которых, без необходимых затрат хотя бы с одной стороны, деньги перемещаются от одного лица к другому.

В самом деле, что на быденном языке называют «коррупцией»? По данным многочисленных социологических опросов, все чувствуют, что такое коррупция, но дать четкого определения не могут. Иными словами, слово «коррупция» используется в самых разных значениях, которые не фиксируют и не маркируют терминологические отличия и нюансы, нередко за ним скрывается различное содержание, что порождает различные неопределенности при его использовании. Исследователи все чаще констатируют, что, несмотря на кажущуюся очевидность констатирующих признаков коррупции, потребность в удовлетворительном объяснении этого феномена только возрастает.

Не случайно еще в 2004 г. В. В. Путин, определяя приоритетные задачи Совета при Президенте по борьбе с коррупцией, подчеркивал: «Мы обязаны дать точную квалификацию самого понятия “коррупция” и понимать, что способствует ее распространению уже в сегодняшних, современных условиях» [2].

Чтобы сделать это, нужен другой путь. В данной статье мы попытаемся предложить не вполне традиционный подход к определению природы коррупции. Обозначенная проблемность исследования феномена коррупции предполагает определенный выход за границы имеющихся исследовательских стратегий, а акценты должны сместиться на междисциплинарный анализ этого многоаспектного, многоуровневого, системно организованного социального явления, органически интегрирующего в себе экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие.

Как представляется, наибольший эвристический потенциал в анализе коррупции можно отыскать при условии сочетания анализа социальных причин коррупции и коррупции как следствия действия этих причин. Более того, если причины коррупции кроются в самом социальном устройстве, которое разъедается конфликтом, разрушается им, то и коррупция, признаваемая как процесс, разрушающий социальное устройство, становится тождественной конфликту.

Свое действие современный конфликт завершает в государственном разуме, в праве, которое в оценке угроз обществу и установлении мер по их предотвращению наиболее адекватно сущности государства. Под таким углом зрения «преступно не то, что является отклонением (девиацией), а тот вред, который отклонением причиняется. Общество, отрицая вред, посредством закона запрещает и деяние, его влекущее. И чем опаснее вред, тем строже становится и запрет» [3, с. 12].

Если так, то междисциплинарный метод распознавания конфликтов и их локализации является наиболее востребованным для государства, объявившего борьбу с коррупцией.

Конфликтологическая парадигма анализа коррупции вводит нас в мир коррупционных отношений, которые имеют свою причину — конфликт.

В позитивной парадигме анализа конфликта фиксируются его разрушительные свойства, снижающие уровень общественной безопасности, в междисциплинарной парадигме анализа — его позитивные свойства, его способность разрешать накопившиеся в обществе противоречия.

В первом случае указывается на его несистемный характер, во втором — что конфликт есть закон существующей системы, без которого данная система не может себя воспроизводить.

Все парадигмы анализа, фиксирующие лишь негативные или разрушительные свойства конфликта, конечно, приводят к выводам о его пагубности, о том, что общество должно от него избавиться. Но всякое избавление от конфликта чревато застоєм. А застой для общества не менее губителен, чем конфликт.

Единого мнения о феномене конфликта не представлено в силу того, что его пытаются анализировать в узко очерченной парадигме анализа, которая не может быть применима к сложным, многосоставным общественным явлениям. Существующие парадигмы анализа не способны фиксировать конфликт как процесс. А если в той или иной парадигме делается упор на развитие, то только на развитие, не выходящее за пределы конкретного способа производства. В силу этого в одних сферах жизни конфликт легитимирован как способ взаимодействия, в других — становится угрозой, с которой необходимо бороться. Потому конфликт определяется в зависимости от сферы его протекания, а также от субъективных предпочтений исследователя.

Для конфликтологии, предметом которой является конфликт как негативный способ взаимодействия, разные обозначения конфликта в различных науках не являются помехой. Конфликтология рассматривает конфликт как один из основных законов, пронизывающих все наличествующие сферы жизни общества, редуцирующийся в особые способы взаимодействия, характерные для данной сферы. Один и тот же способ взаимодействия в различных науках приобретает различное терминологическое определение. И лишь в конфликтологии столкновение интересов и их разрешение получает определение конфликта, независимо от того, в какой сфере этот конфликт протекает. Потому у познающего субъекта создается впечатление, что перед ним различные явления.

Так, взаимодействие субъектов, которое в сфере экономики обозначается понятием «конкуренция», в социальной сфере обозначается понятием «борьба», в политологии — «партийная конкуренция», «политическая борьба», «преступление», «оппозиция», «протест», «восстание», «революция». Какое понятийное обозначение приобретает способ взаимодействия, зависит от той сферы, в которой данное взаимодействие завершается, принимая различные формы.

В этом смысле можно говорить о «споре» в суде, «коррупции» или «лоббизме» в исполнительной и законодательной власти. Помимо субъектов политики и экономики, в процесс конкуренции втягиваются средства массовой информации, различные общественные науки, формирующие, так же как и СМИ, общественное мнение, церковь. И каждая инстанция обозначает конкуренцию в сфере экономики различными понятиями: в средствах массовой информации это будет «компромат», в психологии — «враждебность», в церкви — «гордыня».

Получается, что процесс взаимодействия, получивший свое начало в экономике, плавно перетекая в другие сферы (какие именно — зависит от рода деятельности вовлеченных в него сторон и вектора движения в направлении тех объединений, в пределах которых конкуренция начинает приобретать ту или иную специфику и поддержку), описывается при помощи особого понятийного ряда. Речь идет о понятиях, отражающих один и тот же процесс на различных стадиях его существования и являющихся нам в различных формах при сохранении своего основного содержания, поскольку весь этот сложный и замаскированный разнообразием представлений и понятий процесс питается экономикой, укладывается в прокрустово ложе взаимодействий в сфере экономики.

Действительно, существенным является прежде всего то, что коррупция — это действия людей, направленные на получение выгоды, против законных интересов общества и государства.

Более того, следует иметь в виду, что действия людей, не наносящие ущерба интересам государства и общества, не могут быть отнесены к коррупционным.

Кроме того, существенным ограничением в определении коррупции является именно выяснение и уяснение факта — была выгода или нет: не может быть отнесено к коррупционным действиям злоупотребление служебным положением без денежной и иной материальной выгоды.

Ключевой в данном контексте представляется сложность в выяснении этого факта. Грань между реальной коррупцией, в которой принимают участие два лица или более, и неполной коррупцией без факта выгоды стирается посредством сообщений как одной, так и другой стороной в правоохранительные органы о предстоящем факте обмена. Коррупция приобретает свою окончательную оформленность в результате сообщения о факте получения выгоды и вмешательства правоохранительных органов.

Соответственно, описанная выше логика приводит к пониманию коррупции как следствия негативного характера конфликта, оказывающего влияние на всю систему отношений, превращая их в отношения противоправные, разрушающие их до степени, за пределами которой общество не в состоянии воспроизводить себя как устойчивый и стабильный организм.

Проблемы современной концептуализации феномена коррупции связаны, как подчеркивает Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин, с различной степенью «порчи» государства и права. «Есть страны, — пишет он, — где поражены только некоторые элементы государства, права. Существует и более серьезная возрастающая степень поражения, и тогда можно говорить об элементах криминализации государства и права. Крайняя же и самая опасная стадия — криминальное государство. На пути становления развитой правовой системы и демократии в странах на постсоветском пространстве, странах новой демократии опасность возникновения этой стадии болезни очень высока» [4, с. 18]. Обратим внимание на термин «криминальное государство». К сожалению, В. Д. Зорькин не предлагает классифицирующих критериев криминальности государства, совокупности его отличительных признаков.

В связи с этим уместно сослаться на исследования венгерского политолога Баlinta Мадьяра, в которых он разделяет понятия «повседневная, свободноконкурентная» коррупция (главное средство — взятка, заказчиком выступает экономический игрок, а представитель сферы государственной власти оказывает коррупционные услуги) и «организованное криминальное мафиозное государство (организованное “надполье”)». На этой стадии, по мнению исследователя, государство «ограничивает, ликвидирует организованное криминальное подполье, уничтожает анархический, отчасти автономный мир олигархов, а также создает в области коррупции единый субординационный порядок, централизует ее в масштабах всей страны и устанавливает государственную монополию на коррупционную деятельность. Оно борется не с коррупцией как таковой, а с неразрешенной, партизанской коррупцией. На государственном уровне оно осуществляет то, чего классическая мафия добивается в сфере своих интересов, — упраздняет “частного вора”» [5, с. 18].

Позволим себе исторический экскурс. В 60-х годах XIX столетия в России после Крымской войны был принят ряд решений о необходимости строительства в стране сети железных дорог, был создан специальный миллиардный железнодорожный фонд, формально обособленный от государственного бюджета. Это стало источником сказочного обогащения: «...в железнодорожное строительство устремились действующие и отставные государственные чиновники; отставные военные; бывшие откупщики, чей прибыльный водочный бизнес был прекращен в 1863 г.; земства, заинтересованные в оживлении местной жизни с приходом железной дороги; дворянство и купечество; представители титулованной аристократии и члены царствующего дома, в “активе” которых были поддержка высших эшелонов государственной власти и связи с западными финансовыми кругами» [6, с. 303].

Главный инспектор частных железных дорог А. И. Дельвиг вспоминал: «Картина этих злоупотреблений, в которых принимает участие сам государь, грязна... До настоящего года я полагал, что в России есть, по крайней мере, одна личность, которая по своему положению не может быть взяточником, и грустно разочаровался» [6, с. 304].

Курско-Харьково-Азовскую железную дорогу уже через несколько лет после начала эксплуатации стали называть «дорогой смерти», поскольку «правление дороги нещадно эксплуатировало персонал, экономило на ремонте подвижного состава, мошенничало с закупками угля (те же лица, что входили в правление дороги, образовали угольную компанию — сами себе продавали бросовый уголь по завышенным ценам, а убыток покрывали казенной дотацией) и, конечно же, закупало бракованные материалы» [7]. 17 октября 1888 г. на ней пошел под откос императорский поезд, всего пострадало при крушении 68 человек, из них 21 человек погиб. *На разговоры о террористическом акте император Александр III резко ответил: «Красть надо меньше!»* [6, с. 305].

Очевидно, что, будучи по природе своей явлением социальным, коррупция имеет социальные предпосылки, порождается ими. В то же время стоит нам переместиться в предметное поле конфликтологии, интуитивная конвенциональность о сущности коррупции приобретает более строгую концептуализацию.

Мы хотели бы подчеркнуть то принципиальное обстоятельство, что коррупция есть процесс превращения деятельности и ее результатов в товар, имеющий, по общему признанию, нетоварную природу.

Здесь уместно сослаться на труды С. Роуз-Аккерман, утверждавшей, что «скандалы, связанные с коррупцией, есть признак того, что страна, в которой они происходят, начала понимать разницу между общественной и частной собственностью» [8, с. 75].

Если с такой меркой подходить к коррупции как к процессу превращения принадлежащего обществу блага в индивидуальное или групповое благо, то в коррупцию включаются все способы превращения деятельности человека и его результатов, получивших общественное значение, в товар и деньги. В связи с чем коррупционные отношения есть отношения превращения достояния общества в индивидуально-частное достояние.

Из полученных в исследованиях П. Штомпки выводов следует, что коррупция обеспечивает ложное чувство упорядоченности и предсказуемости, ощущение

контроля над хаосом окружающего мира и является способом воздействия на других, стимуляции их действий в нужном направлении (взятки лицам, принимающим решения; подарки врачам, учителям) [9, с. 37].

Принимая эту исследовательскую стратегию, мы приходим к пониманию того, что необходимо четко зафиксировать: коррупционными следует признать такие отношения (если их переводить на индивидуальный уровень), при которых одно лицо, представляющее общество, передает другому частному лицу за вознаграждение то, что ему не принадлежит по праву и совести. Т. Гоббс подчеркивал, что «люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем подкупа государственного правосудия или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения» [1, с. 230].

В этой логике, определяя понятие «коррупция», нам необходимо идентифицировать ключевое значение акта передачи представителем государственной власти, осуществляющим свои действия от имени государства, т.е. общественного целого, за вознаграждение другому лицу не принадлежащего ему блага. Наиболее релевантным представляется определение Л. В. Гевелинга: «Коррупция — деструктивная по отношению к действующим на данной территории общественным нормам и господствующей морали система социальных связей, которые характеризуются использованием должностных полномочий для получения материальной и (или) нематериальной выгоды» [10, с. 10].

Следует опять-таки пояснить, что коррупционное действие предстает именно как действие подобного рода. В праве такие действия обозначаются как взятка должностному лицу, подкуп, воровство, кража и прочими негативными определениями, отражающими в юридическом сознании действия, направленные на захват частной и государственной собственности. В нравственном отношении эти действия определяются как бессовестные, в экономике — как недобросовестная конкуренция, в политике — как коррупция. Когда в борьбе с гражданским обществом государство не может превратить его в политическое общество, а гражданское общество не может окончательно разрушить политическую форму своего существования и утвердить товарно-денежный характер гражданской жизни, коррупцией можно назвать каждое движение в сторону индивидуальной или групповой приватизации государства.

Еще раз отметим, что коррупция из способа легального накопления капиталов превратилась в способ, противоречащий открытым способам этого накопления, став теневой формой того капитала, который уже может обходиться и обходится без поддержки государства. Крупному бизнесу стал не нужен обходной путь для достижения господства в обществе и государстве, все законы государства стали его законами, и потому нарушение этих законов зачисляется в разряд коррупции и нещадно наказывается. Этот прогресс во взаимоотношениях государства и граждан есть видимый возврат государства к своей политической, бестоварной сущности, хотя бы в тех отношениях, в которых граждане задействованы часто и в которых коррупционная составляющая постепенно стала исчезать. И в данном случае государство выступает хорошим инструментом воспитания, принуждая к действиям, становящимся нормой.

На последнем остановимся чуть более подробно. Чезаре Беккариа писал: «Откроем историю и мы увидим, что законы, которые... должны являться договорами

свободных людей, почти всегда служат только орудием страстей незначительного меньшинства или же порождаются случайной и мимолетной необходимостью» [11, с. 88].

Ряд российских политических деятелей, опираясь, видимо, на известную цитату американского политолога С. Хантингтона: «Хуже негибкой нечестной бюрократии может быть только негибкая честная бюрократия» [12], стал утверждать, что коррупция является неотъемлемой частью глобализации (В. А. Якунин), задача противодействия коррупции может быть использована для разрушения суверенитета государства (И. А. Яровая), а «цветные» революции во всех странах начинались под лозунгом борьбы с коррупцией (И. Н. Зубов, заместитель министра внутренних дел РФ).

Тем самым становится невозможным никакое предметное и политически нейтральное обсуждение проблем коррупции. Но подобное табуирование приводит к тому, что российские законодатели, по замечанию Д. А. Керимова, «менее всего учитывают объективность регулируемых общественных отношений. В результате возникла не только неразбериха в самом законодательстве, но и полнейший хаос в правоприменительной практике. Отсутствие должного уровня законодательной культуры, слабое представление о требованиях законодательной техники у большинства депутатов (даже юристов) и тем более у чиновников правительственных и президентских структур приводит к резкому обособлению и противопоставлению объективного и субъективного в законотворчестве, недооценке их связи, взаимодействия и проникновения друг в друга» [13, с. 10].

Но можно ли ограничиться утверждениями о неизбежности и глобальности коррупции, фиксацией того факта, что борьба с ней может быть использована для разрушения суверенитета государства, отодвигая на второй план имеющиеся данные? Как представители академического сообщества, мы руководствуемся словами В. О. Ключевского: «...наше дело — сказать правду, не заботясь о том, что скажет какой-нибудь гвардейский штабс-ротмистр» [14, с. 306].

По разным оценкам, годовой коррупционный оборот в России превышает 300 млрд долл., или 15 % ВВП [15]. По данным старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН М. А. Субботина, «потери от коррупции в сфере государственных заказов и закупок составляют примерно 30 % всех бюджетных затрат по этим статьям. По оценкам российских правоохранительных органов, коммерческие структуры в отдельных отраслях промышленности (нефть, газ, редкие металлы) тратят до 50 % прибыли на подкуп должностных лиц. По самым скромным подсчетам, суммарные потери от коррупции в нашей стране составляют не менее 20 млрд долл. в год (существуют оценки, по которым потери от коррупции составляют около 70 млрд долл. в год)» [16, с. 143].

По расчетам экспертов, в России 10 долларов, вложенных в диверсификацию экономики, выльются в 9 долларов потерь [17]. «В бюджетах крупных инвестиционных проектов, — утверждает профессор Высшей школы экономики С. Ю. Барсукова, — можно найти заранее планируемые коррупционные сборы. Старые “представительские расходы” дополняются более откровенной статьей — “обеспечение бесконфликтности реализации проекта”» [18, с. 132].

За счет коррупции ресурсы распределяются в зависимости от узких политических интересов и близости к власти путем завышения стоимости проектов:

в России предполагаемые затраты на инфраструктуру с 2013 по 2030 г. должны составить \$1,5 трлн долл., и эта сумма, по оценкам McKinsey Global Institute, завышена на 40 % [19].

При этом в диссертации А. А. Соколова установлено, что крупный государственный или «приятельский» бизнес получает выгоду за счет перерасхода выделенных из бюджета средств, реализуя меньшее количество проектов при больших затратах и худшем качестве, — масштабы потерь в разных госкорпорациях составляют от 25–35 % до 50–60 % выделенных им финансовых ресурсов. Так, например, превышение капитальных затрат по сравнению с группой аналогов у корпорации «Роснано» составляет 44,2 %, а у корпорации «Олимпстрой» при строительстве объектов Олимпиады в Сочи — 145 %.

На основе огромного фактологического материала Соколов приходит к выводу о том, что, «несмотря на прикрытие важными общественными целями, госкорпорации используются в частных интересах рентоориентированных групп бюрократии. Непрозрачность и бесконтрольность финансовых потоков, безответственность менеджмента превращает их из инструмента модернизации в проводник коррупции. В таких условиях становится невозможно отличить возникшие из-за некомпетентности менеджмента неудачные результаты управления от последствий корыстных устремлений» [20, с. 166–167].

Известно, что по такому показателю, как соотношение личного капитала миллиардеров соответствующей страны из первой сотни списка Forbes к валовому внутреннему продукту страны (уровень олигархичности экономики) [21], Россия значительно превосходит США и страны Европы — его значение оценивается в 20,5 % (в США — 6,7 %, в Китае — 4,9 %, в мире в целом — 2,5 %) [22].

Законодательство фиксирует в понятиях те отношения, которые уже стали массовыми. Экономические интересы должны получить значение в качестве юридического мотива, соотноситься со всем существующим законодательством и занять соответствующее место в системе юридического регулирования. Но как только этот процесс завершен, а он занимает не один год, массовость явления сходит на нет, а закон продолжает действовать с силой, приданной ему на начальной стадии.

Так, по данным Председателя Верховного суда РФ Вячеслава Лебедева, среди осужденных за взятки 60 % осуждены за взятки суммой до пяти тысяч рублей, 21 % — за взятки, сумма которых составляет от пяти до десяти тысяч рублей, и лишь 2,7 % привлечены за взятку свыше 1 млн руб.

По словам Председателя Мосгорсуда Ольги Егоровой, чаще всего за получение взятки осуждаются врачи, сотрудники правоохранительных, контрольно-надзорных органов, а также преподаватели учебных учреждений. С одной стороны, в 30 % случаев «брали» государственные служащие достаточно высокого уровня, но с другой — дела о получении взятки в крупном размере, относящиеся к подсудности Мосгорсуда, составили в прошлом году немногим более 9 % от общего количества дел по этой статье обвинения. Дела о получении и даче взятки составляют в совокупности чуть менее 1,5 % от общей массы всех рассмотренных московскими судьями уголовных дел. При этом мера наказания более чем в половине случаев — условный срок. Реальное лишение свободы назначалось в 25 % случаев, а в 10 % подсудимые отделялись штрафом [23].

В исследовании Б.Миронова специально анализируются коррупционные практики XVII — первой половины XVIII в. Вот что пишет исследователь: «...подношения чиновникам являлись составной частью их содержания. Закон преследовал только те подношения, которые провоцировали чиновника на нарушения закона. Такие незаконные подношения назывались “посулами”, в то время как законные, способствующие быстрому и благожелательному рассмотрению дела в соответствии с законом и обычаем — “почестями”».

“Почесть” символизировала уважение и желание просителя попасть под покровительство чиновника, “посул” — предложение нарушить закон. С современной точки зрения грань между “почестью”, или подарком, и “посулом” является зыбкой, однако население и чиновники ее сознавали, поэтому и “посул” во много раз превосходил “почесть”. Чиновника, принявшего незаконное решение, всегда подстерегала опасность — жалоба пострадавшей стороны и наказание. Между тем принятие подарка ничем не угрожало. По-видимому, львиная доля подношений имела целью ускорить решение дела по возможности в благоприятном смысле, и сравнительно редко подарки приводили к нарушению закона. В течение XVIII в. смысловые различия между разного рода подношениями по закону стерлись — все стало незаконными, но в массовом сознании, в особенности крестьянства, сохранились» [24, с. 517].

Проецируя эти практики на современную Россию, известный политолог Дмитрий Травин называет «посулом» злоупотребления властью, например бюджетное финансирование по сознательно завышенным расценкам и получение чиновником части суммы в качестве отката. «Почесть» же — это протектирование влиятельного лица одному из претендентов в ущерб конкурентам [25].

В различных теоретико-игровых моделях коррупции, исследующих стратегии поведения бюрократа или правительства, показано, что основным фактором коррумпированности власти является чувство уверенности в завтрашнем дне и вера в низкую вероятность успешного бунта [26; 27].

Поэтому вполне правомерным представляется вывод ведущих российских криминологов: «Официальная статистика фиксирует парадоксальную картину: при значительном превышении числа регистрируемых фактов получения взяток над числом фактов дачи взяток, количество выявляемых взяточполучателей устойчиво, наоборот, оказывается значительно ниже числа взяткодателей, и при этом размах различий последовательно возрастает» [28, с. 4].

Следует заметить, что в «обществе, где коррупция является социальной нормой, действует “правило омерты” Южной Италии — никто и никогда не должен сообщить о преступлении или согласиться служить в качестве свидетеля в суде. В таком обществе само понятие коррупции как девиации теряет смысл» [29, р. 99–111].

Коррупция есть приговор современному миру капитала, покушение на государство, которое все больше и больше движется по пути социального государства, отбрасывая от себя функции принуждения и инкорпорируя социальные функции. Но в этом движении государства к своей социальной функции оно испытывает давление со стороны частного интереса, еще обладающего денежной силой. И весь этот процесс завоевания государства и превращения его из публичного института в институт частный есть коррупционный процесс. А в силу того, что данный процесс охватывает огромную совокупность связей и отношений, и в первую очередь

отношений собственности, которые не могут быть выражены термином, что-то утверждающим и одновременно отрицающим — утверждающим общественную собственность и отрицающим частную одновременно, — понятие «коррупция» сохраняет в себе неопределенность с четко определенными сопутствующими отношениями. У руководства Российского государства, помимо совершенствования законодательства («хирургия» коррупции), есть и более широкое понимание «терапии» коррупции, где одним из главных рецептов является высокий уровень жизни.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
2. Путин В. В. Вступительное слово на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией. 12 января 2004 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22279> (дата обращения: 21.05.2017).
3. Криминология. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
4. Зорькин В. Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 18–20.
5. Балинт М. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. М.: Балинт — НЛО, 2016. 392 с.
6. Сенин А. С. Частные или казенные: 175 лет дискуссий о форме собственности и способах хозяйствования на железных дорогах России // Труды по руссиеведению: сб. науч. тр. Вып. 4. М.: РАН, ИНИОН, Центр руссиеведения, 2012. С. 297–324.
7. Эдельман О. Крушение царского поезда // Отечественные записки. 2002. № 2 (3). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/2/krushenie-carskogo-poezda> (дата обращения: 21.05.2017).
8. Роуз-Аккерман С. Демократия и «великая» коррупция // Международный журнал социальных наук. 1997. № 16. С. 75–95.
9. Фрейк Н. Петр Штомпка. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 30–41.
10. Гевелинг Л. В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Гуманитарий, 2001. 590 с.
11. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
13. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
14. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9: Материалы разных лет. 528 с.
15. Воронина Ю. С откатов сорвут вуаль // Российская бизнес-газета. 2013. № 892. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/16/korrupcia.html> (дата обращения: 21.05.2017).
16. Субботин М. А. Экономический ущерб от искусственной криминализации бизнеса: обзор современных тенденций // Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 136–147.
17. Миронов М. Слово и дело: Вредная диверсификация. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/12/19/vrednaya-diversifikaciya> (дата обращения: 21.05.2017).
18. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика (курс лекций). М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. 420 с.
19. Dobbs R., Pohl H., Lin D., Mischke J., Garemo N., Hexter J., Matzinger S., Palter R., Nanavatty R. Infrastructure productivity: How to save \$1 trillion a year // McKinsey Global Institute. URL: <http://www.mckinsey.com/industries/infrastructure/our-insights/infrastructure-productivity> (дата обращения: 21.05.2017).
20. Соколов А. А. Влияние рентоориентированного поведения на инвестиции российских государственных корпораций: дис. ... канд. эконом. наук. М.: Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 2013. 197 с.
21. Балацкий Е. В. Количественная оценка степени олигархичности национальных экономик // Мир измерений. 2008. № 2. С. 52–56.
22. Соколов А. А. Олигархичность российской экономики как фактор деградации. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/999277> (дата обращения: 21.05.2017).

23. Неподсудны по статусу. URL: <http://www.newizv.ru/news/2011-03-17/142189> (дата обращения: 21.05.2017).
24. Миронов Б. Н. Российская империя. От традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. 906 с.
25. Травин Д. Коррупция — это «почесть»: почему воруют в России. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2016/03/10/1496659.html> (дата обращения: 21.05.2017).
26. Лазарев Е. А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 106–121.
27. Назаров П. А. Моделирование экономического роста с учетом различных форм коррупции // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8 (2). С. 174–182.
28. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. 361 с.
29. Varese F. Pervasive Corruption // Economic Crime in Russia / ed. by A. Ledeneva and M. Kurkchyan. London: Kluwer Law International, 2000. P. 99–111.

Для цитирования: Алейников А. В., Газимагомедов Г. Г., Стребков А. И. «Хирургия» и «терапия» коррупции: конфликтологическое измерение // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 528–540. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.411>

References

1. Gobbs T. Leviathan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil]. Gobbs T. *Sochineniia*: v 2 t. [Writings: in 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ. 1991, vol. 2. 731 p. (In Russian)
2. Putin V. V. *Vstupitel'noe slovo na zasedanii Soveta pri Prezidente po bor'be s korruptsiei* [Opening statement at the board meeting of the Anticorruption presidential council]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22279>. (accessed: 21.05.2017). (In Russian)
3. *Kriminologiia* [Criminology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2013. 304 p.
4. Zorkin V. D. Korruptsiia kak ugroza stabil'nomu razvitiu obshchestva [Corruption as a Threat to the Stable Development of Society]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, no. 7, pp. 18–20. (In Russian)
5. Balint M. *Anatomiia postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii* [Anatomy of postcommunist mafia state. On the example of Hungary]. Moscow, Balint — NLO Publ., 2016. 392 p. (In Russian)
6. Senin A. S. Chastnye ili kazennye: 175 let diskussii o forme sobstvennosti i sposobakh khoziaistvovaniia na zheleznykh dorogakh Rossii [Private or state-owned: 175 years of discussion on the form of ownership and methods of economic management on the russian railways]. *Trudy po rossiavedeniiu* [Proceedings of Russian Studies]. Book 4. Moscow, RAN, INION Publ., 2012. 528 p. (In Russian)
7. Edel'man O. Krushenie tsarskogo poezda [Wreckage of tsarist train]. *Otechestvennye zapiski*, 2002, no. 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2002/2/krushenie-carskogo-poezda> (accessed: 21.05.2017). (In Russian)
8. Rose-Ackerman S. Demokratiia i «velikaia» korruptsiia [Democracy and “great corruption”]. *Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh nauk*, 1997, no. 16, pp. 75–95. (In Russian)
9. Freik N. Petr Shtompka. Doverie: sotsiologicheskaiia teoriia [Piotr Sztompka Trust: a sociological theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2002, no. 3, pp. 30–41. (In Russian)
10. Geveling L. V. *Kleptokratiia. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie korruptsii i negativnoi ekonomiki. Bor'ba afrikanskogo gosudarstva s destruktivnymi formami organizatsii vlasti* [Kleptocracy. Social and political dimension of corruption and negative economy. Fight of the African state against destructive forms of power organization]. Moscow, Gumanitarii Publ., 2001. 590 p. (In Russian)
11. Beccaria C. *O prestupleniakh i nakazaniakh* [On crimes and punishments]. Moscow, INFRA-M, Publ., 2004. 184 p. (In Russian)
12. Huntington S. *Politicheskii poriadok v meniaiushchikhsia obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2004. 480 p. (In Russian)
13. Kerimov D. A. *Metodologiia prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of law (subject, functions, problems of legal philosophy)]. Moscow, Avanta+ Publ., 2001. 560 p. (In Russian)
14. Kliuchevskii V. O. *Sochineniia v 9 t.* [Writings: in 9 vols]. Materialy raznykh let. [Material from different years]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 9. 528 p. (In Russian)
15. Voronina Iu. *S otkatov sorvut vual'* [The veil will be torn off the cuts]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/16/korruptcia.html> (accessed: 21.05.2017). (In Russian)

16. Subbotin M. A. Ekonomicheskie ushcherb ot iskusstvennoi kriminalizatsii biznesa: obzor sovremennykh tendentsii [Economic damage from the artificial business criminalization: review of modern trends]. *Kontseptsiiia modernizatsii ugolovnogo zakonodatel'stva v ekonomicheskoi sfere* [The concept of modernization of criminal legislation in the economic sphere]. Moscow, Fond «Liberal'naiia missiia» Publ., 2010. 196 p. (In Russian)
17. Mironov M. Slovo i delo: Vrednaia diversifikatsiia [Word and action: Harmful diversification]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/12/19/vrednaya-diversifikaciya> (accessed: 21.05.2017). (In Russian)
18. Barsukova S. Iu. Neformal'naiia ekonomika (kurs lektsii) [Informal economy (course of lectures)]. Moscow, GU VShE Publ., 2011. 420 p. (In Russian)
19. Dobbs R., Pohl H., Lin D., Mischke J., Garem N., Hexter J., Matzinger S., Palter R., Nanavatty R. *Infrastructure productivity: How to save \$1 trillion a year*. McKinsey Global Institute. Available at: <http://www.mckinsey.com/industries/infrastructure/our-insights/infrastructure-productivity> (accessed: 21.05.2017).
19. Sokolov A. A. Vlianie rentoorientirovannogo povedeniia na investitsii rossiiskikh gosudarstvennykh korporatsii [The impact of the rent-seeking behavior on the investments of Russian state corporations]. Tesis of PhD diss. Moscow, Tsentral'nyi ekonomiko-matematicheskii institut Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2013. 197 p. (In Russian)
20. Balatskii E. V. Kolichestvennaia otsenka stepeni oligarkhichnosti natsional'nykh ekonomik [The quantitative evaluation of the degree of national economies oligarchicalessness]. *Mir izmerenii*, 2008, no. 2, pp. 52–56. (In Russian)
21. Sokolov A. A. Oligarkhichnost' rossiiskoi ekonomiki kak factor degradatsii [Oligarchicalessness of russian economy as a degradation factor]. Available at: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/999277> (accessed: 21.05.2017). (In Russian)
22. *Nepodsudny po statusu* [Non-triable due to status]. Available at: <http://www.newizv.ru/news/2011-03-17/142189> (accessed: 21.05.2017). (In Russian)
23. Mironov B. N. Rossiiskaia imperiia. Ot traditsii k modern [Russian Empire. From tradition to modern]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, vol. 2. 906 p. (In Russian)
24. Travin D. Korruptsiia — eto «pochest'»: pochemu voruiut v Rossii [Corruption is a “honor”: why one steals in Russia]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2016/03/10/1496659.html> (accessed: 21.05.2017). (In Russian)
25. Lazarev E. A. Politicheskaiia korruptsiia: ob"iasniaia prirodu postsovetских transformatsii [Political corruption: explaining the nature of postsoviet transformations]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2010, no. 2, pp. 106–121. (In Russian)
26. Nazarov P. A. Modelirovanie ekonomicheskogo rosta s uchetom razlichnykh form korruptsii [Modelling of the economic growth with account of different forms of corruptions]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2015, no. 8 (2), pp. 174–182. (In Russian)
28. *Korruptsiia: sostoianie protivodeistviia i napravleniia optimizatsii bor'by* [Corruption: the state of counteraction and direction of countermeasures optimization]. Moscow, Rossiiskaia kriminologicheskaiia assotsiatsiia Publ., 2015. 361 p. (In Russian)
29. Varese F. Pervasive Corruption. *Economic Crime in Russia*. Eds A. Ledeneva and M. Kurkchiyan. London, Kluwer Law International, 2000. 289 p.

For citation: Aleinikov A. V., Gazimagomedov G. G., Strebkov A. I. “Surgery” and “therapy” of corruption: The conflict studies dimension. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict studies*, 2017, vol. 33, issue 4, pp. 528–540. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.411>

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2017 г.

Статья рекомендована к печати 13 июня 2017 г.